

Тихонова А. В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

Tikhonova A.

Smolensk State University, Smolensk

УДК 94(476)-054.6 «1820/1839»

**ИНОСТРАНЦЫ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ
В 1820–1830-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВОЙ
ПЕРЕПИСКИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА)**

**FOREIGNERS IN BELARUSIAN PROVINCES
IN THE 1820–1830-es. (BY MATERIAL OF THE BUSINESS
CORRESPONDENCE OF THE GOVERNOR-GENERAL)**

Статья основана, главным образом, на документах фонда канцелярии генерал-губернатора из Национального исторического архива Беларуси в г. Минске. Генерал-губернаторство включало в себя белорусские губернии – Могилевскую и Витебскую, а также Калужскую (с 1823 по 1831 г.) и Смоленскую (с 1823 по 1856 г.) губернии. Фонд содержит разнообразную деловую переписку, в том числе посвященную иностранным подданным, которые проживали на подведомственной территории. Автор классифицирует их по тематике и приводит конкретные примеры по каждой из групп. Дополненные документами региональных архивов материалы канцелярии генерал-губернатора из НИАБ содержат ценные сведения по истории повседневности, связанной с пребыванием иностранцев на территории белорусских губерний.

Ключевые слова: иностранцы; белорусские губернии; 1820–1830-е гг., генерал-губернатор; генерал-губернаторство.

The article is mainly based on documents from the fund of the Office of the Governor General from the National Historical Archive of Belarus in Minsk. The Governor-General included the Belarusian provinces – Mogilev and Vitebsk, as well as Kaluga (from 1823 to 1831) and Smolensk (from 1823 to 1856) provinces. The fund contains a variety of business correspondence about the foreign nationals who lived in this territory. The author makes a thematic classification and gives specific examples for each of the groups. The materials of the Office of the Governor General of the NIAB, supplemented by documents from the regional archives, contain valuable information on the daily history of foreigners in the territory of Belarusian provinces.

Key words: foreigners; Belarusian provinces; 1820–1830s, Governor-General; Governorate General.

Идея учреждения генерал-губернаторств, как известно, приобрела форму проекта в 1816 г., а с 1819 г. план постепенно стал претворяться в жизнь. В состав губерний Белорусского округа планировалось включить восточнобелорусские губернии (Витебскую и Могилевскую) и русские губернии (Калужскую и Смоленскую), с центром в Витебске [1, с. 71]. В 1823 г. задуманное было реализовано. Витебским, могилевским, смоленским и калужским генерал-губернатором был назначен князь Н. Н. Хованский. Боевой генерал, участник всех военных компаний первой четверти XIX в. он занимал этот пост 13 лет. С 1831 г., когда из состава генерал-губернаторства вышла Калужская губерния, должность Н. Н. Хованского (с 1828 г. генерала от инфантерии) стала именоваться генерал-губернатор Смоленской и Белорусских губерний [9, с. 193–196].

Одними из главных причин введения института генерал-губернаторства исследователи считают стремление усилить власть монарха и способствовать обеспечению внутренней и внешней безопасности страны [7, с. 151, 154]. В связи с этим, генерал-губернатор должен был уделять пристальное внимание вопросам надзора за иностранцами, находившимися на подведомственной ему территории. Князь Н. Н. Хованский проявил себя как деятельный администратор, потому архивные материалы, связанные с иностранными подданными, относятся в основном к периоду его правления. Последний хронологически захватывает конец александровского царствования и начало правления Николая I.

Фонд канцелярии генерал-губернатора, находящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске, содержит разнообразную деловую переписку, посвященную иностранцам. Документы о них можно классифицировать по тематике: о въезде, выезде, службе, тяжбах с представителями местного населения. Фонды канцелярий губернаторов, сохранившиеся в региональных архивах, позволяют судить об эффективности совместной работы.

Белорусские губернии служили своего рода транзитом внутрь территории Российской империи. Именно такой путь выбирали те европейцы, которые пересекали границы империи в Царстве Польском, Лифляндской или Курляндской губерниях. Приезжая в Россию, необходимо было получить от губернатора вид на проезд по территории империи, затем, продвигаясь вглубь страны, испрашивать очередные виды на проезд. В случае же длительного пребывания

ния иностранец обязан был выхлопотать годовой паспорт (билет) на проживание и в дальнейшем его обновлять. Национальные паспорта иностранцев хранились в III Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. Генерал-губернаторы и губернаторы обязательно сносились с ним по вопросам надзора за иностранцами [32].

Ярким примером таких контактов может послужить своеобразный «детектив», который в 1828 г. генерал-губернатор князь Н. Н. Хованский вынужден был распутывать совместно с несколькими губернаторами и III Отделением. 8 сентября 1828 г. главнокомандующий в С. Петербурге и Кронштадте генерал П. А. Толстой сообщил Н. Н. Хованскому, что в августе 1828 г. в Рязанскую губернию приехал сардинский подданный, отставной капитан французских войск Игнатий Вестфаль. Целью своего приезда иностранец объявил отыскание «якобы прикащика своего, некоего Флорентини, с драгоценными, ему принадлежащими вещами в Россию скрывающегося» [21, л. 1]. Предъявив билет на проезд, выданный ему моголевским гражданским губернатором, иностранец заявил местному начальству, что лично знаком с генерал-губернатором Хованским и всегда пользовался его особым покровительством [21, л. 1]. Однако по делам III Отделения выяснилось, что Вестфаль с женой Розалией в феврале 1828 г. проезжали через Витебск, имея билет на проезд от симбирского гражданского губернатора. В свою очередь, витебский губернатор выдал им билет на дальнейшее следование в Киев [21, л. 2–2 об.].

Генерал-губернатор Н. Н. Хованский никогда не видел Вестфалья и, возможно, не узнал бы о его существовании, если бы не этот запрос. Князь потребовал от витебского гражданского губернатора отчета о выдаче билета супружеской паре Вестфальям. Губернатор сообщил, что, выписывая иностранцу с женой билет на проезд, в губернской канцелярии сделали копию с симбирского билета Вестфалья от 8 августа 1827 г. В документе было указано, что Игнатий Вестфаль, сардинский подданный, уроженец Александрии, отставной французской службы капитан прибыл в Россию 22 января 1826 г. вместе с женой Розалией, урожденной Шади. В Симбирск иностранец с супругой приехал из Воронежа, предъявив при этом билет от тамошнего губернатора. В документе содержалось описание примет Игнатия Вестфалья: «от роду 52 года. Рост средний. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос,

рот средние. Подбородок обыкновенный. Лицо овальное с краснотой. Особые приметы: не имеет» [21, л. 6]. Н. Н. Хованский проинформировал обо всем П. А. Толстого, подчеркнув, что никогда не был знаком с Вестфалем.

Вскоре Н. Н. Хованский получил отношение от витебского гражданского губернатора под грифом «Секретно». Тот сообщал своему начальнику о том, что 3 ноября 1828 г. ему явилась иностранка Розалия Вестфаль, урожденная Шауден. Она предъявила билет правителя Белостокской области, выданный ей 24 декабря 1827 г., и объяснила, что едет в Оренбург к родственникам. На вопрос о том, «где она оставила мужа, но она к удивлению отвечала, что прошло тому более года, как он умер в Данцинге. Взяв из сего подозрение, что тут кроется какая либо тайна», губернатор вынужден был иностранку «задержать под присмотром». Она была допрошена в местной полиции, где рассказала, «что отец ее имел жительство в городе Оренбурге, где она до сего за десять лет вышла замуж за Иосифа Иванова Вестфалья французской службы капитана и уехала с ним в Данцинг, там прожили 8 лет и в продолжение сего времени муж ее умер, по смерти его она прожила еще два года и получив от российского Консула по представленным ему о муже ее бумагам паспорт, отправилась в Россию; прежде сего никогда она в Витебске не была, и того иностранца, который под именем ее мужа находился в нынешнем году в Витебске вовсе не знает» [21, л. 11–11 об.]. Надеясь, что Игнатий Вестфаль еще не покинул Рязань, витебский губернатор без промедления написал своему рязанскому коллеге «для поспешнейшего распоряжения об открытии в сем деле истины», а также велел сохранять «присмотр» за иностранкой.

22 декабря 1828 г. витебский губернатор уведомил Хованского о решении дела. Игнатий Вестфаль был взят под стражу в Рязани [21, л. 13–13 об.]. Глава III Отделения, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, «признавая его бродягою, вкравшимся в Россию с неблагонамеренными предположениями» [21, л. 14] включил его в список иностранцев, высылаемых из России. 24 ноября 1828 г. иностранный подданный был доставлен в Вильну «за присмотром одного из полицейских офицеров» для последующего выдворения за пределы страны [21, л. 14 об.]. С Розалии Вестфаль, которая, как выяснилось, «никогда не находилась ни в малейшем сношении с высылаемым за границу иностранцем Вестфалем», подозрения были сняты, и она получила возможность продолжать свой путь в Оренбургскую губернию [21, л. 15].

Несмотря на то, что события Отечественной войны 1812 года остались в прошлом, генерал-губернатору приходилось неоднократно касаться вопросов, связанных с иностранными военнопленными, которые не смогли покинуть Россию. Главными причинами были: ранение и необходимость длительного лечения, отказ от прежде принятого российского подданства и желание вернуться на родину, а также малолетство детей, оказавшихся в сопровождении наполеоновской армии.

Иностранцы, в 1812 г. оказавшиеся малолетними сиротами, могли рассчитывать на милосердие россиян. В мае 1828 г. к смоленскому гражданскому губернатору И.С. Храповицкому обратился француз Жан Вейер, который просил выдать ему годовой вид на жительство, «в продолжении коего времени я мог бы приобрести себе необходимо нужное к достижению моего отечества трудами рук моих состояния» [3, л. 2 об.]. В возрасте пяти лет Жан попал в плен в местечке Ляды, его мать и отец (маркитант 84-го пехотного полка французских войск Батист Вейер) были убиты. В местечке Дубровно Могилевской губернии мальчик («для излечения и воспитания») был отдан командиром лейб-гвардии Его Величества кирасирского полка Будбергом доктору медицины Егору Цекерту [3, л. 1]. В 1822 г. Жан Вейер был определен Цекертом к иностранцу, каретных дел мастеру Даниле Графу в Смоленск, где, окончив обучение, возможно было «снискать себе... пропитание в России» [3, л. 1 об.]. Е. Цекерт подтвердил истинность показаний воспитанника своим аттестатом [3, л. 3], 22-летний Жан желал в течение года заработать средства, чтобы осуществить «непременное намерение возвратиться в свое отечество» [3, л. 2]. Он получил годовой вид на жительство в Смоленской губернии [3, л. 10, 11]. По обращению гражданского губернатора И. С. Храповицкого к генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому были предприняты попытки навести справки о родственниках Вейера за границей, однако они не дали результата [3, л. 13–13 об.; 22, л. 9 об.]. Дальнейшая судьба этого иностранца неизвестна: остался ли он в России, приняв здесь подданство, или сумел выехать на родину.

Удалось проследить историю детей-иностранцев из итальянского семейства Фанти. 28 ноября 1832 г. могилевский гражданский губернатор А. И. Баженов проинформировал генерал-губернатора Н. Н. Хованского о том, что из представления Бабиновичского уездного предводителя стало известно о проживании «у помещиков

Ивана и жены его Катерины Богомольцов» итальянца из провинции Бононии Людвиг Фанти. В 1812 г., «когда французские войска от г. Смоленска рейтеровались, то по убитии отца его служившаго в итальянском конном полку в чине капитана, остался он <ребенок> в малолетстве». Мальчика приютила дворянская семья, где иностранец «получил и приличное воспитание». Теперь, когда пришло время «избирать род жизни», помещики просили «о учинении сношений с Итальянским Правительством о доставлении о происхождении иностранца Фанти сведения и документов» [25, л. 1–2 об.]. Генерал-губернатор сумел выяснить, что «Людвиг Фанти родился в Болонии 13 Апреля 1803 года от Серафима и Аннунциаты Фанти урожденной Роппа, которая последовав за мужем своим в Россию и не дав с тех пор о себе никакого известия, считалась умершею. Из родословных же книг оказалось, что Серафим Фанти не был дворянского происхождения и не имел никакого титула, исключая (буде сие дает ему право дворянства) капитанского чина, который заслужил он в военной службе» [25, л. 5 об.].

Любопытно, что после событий 1812 г. семья смоленского губернатора барона К. И. Аша взяла на воспитание девочку-младенца, мать которой умерла при родах, а отец-итальянец из Болоньи, майор Фанте(и) погиб в бою под Смоленском. Приемная дочь-итальянка жила у сестры жены барона К. И. Аша – Екатерины Андреевны Глинкиной. Из расписки последней известно, что она взяла малышку из госпиталя и дала ей фамилию Саксонова. При крещении 1819 г. она была записана Марией Павловной (по имени крестного). В дальнейшем итальянка вышла замуж за Г. И. Добрынкина, служившего управляющим имениями смоленского помещика Р. Ф. Генгросса. Первенец молодоженов – Николай Гаврилович Добрынкин (1835–1902) впоследствии стал известным муромским краеведом [34; 6, л. 7].

Есть основания предполагать, что Людвиг Серафим Фанти и Мария Павловна Добрынкина – брат и сестра. В своих воспоминаниях Н. Г. Добрынкин упоминал: «Мать говорила, что у нее впоследствии времени отыскался родной брат, который был семи лет в разгром 1812 года, найден был в лесу и воспитывался у помещика Витебской губернии, кажется, Ромельдова. Брат матери отыскивал в Италии родословную и оказался дворянином г. Болоньи. Он проживал в Витебской губернии, арендуя помещичьи имения». Являясь российским подданным, был «крещен католиком, так как воспитывался в Поль-

ском семействе» [6, л. 7]. Несмотря на неточности, типичные для мемуарной литературы, основные события переданы верно: воспитание у дворян Витебской губернии, попытки доказать свое дворянское происхождение.

В канцелярии генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского сохранились документы, связанные с подготовкой выезда из России бывших военнопленных, в числе которых был француз Александр Делятр или Делатр (Alexandre Delattre) [28, л. 1–2; 5, л. 235, 249]. Этот иностранец родился в Камбре в 1792 г. и служил «во время войны 1812 года сержантом в 48 пехотном полку в корпусе маршала Нея», был взят в плен при Орше [4, л. 590–591]. 5 декабря 1813 г. француз вступил в российское подданство, принеся присягу в Витебском губернском правлении [8, с. 97]. Поселившись в Смоленске, иностранец вступил в мещанство (по решению Смоленской городской думы от 29 мая 1814 г.) [2, с. 118]. В течение 10 лет после этого он мог пользоваться освобождением от податей, согласно российскому законодательству. Однако спустя 8 лет – 6 ноября 1822 г. – Александр Делятр, по собственному желанию, получил свидетельство об увольнении из мещанства для поступления на государственную службу и до следующей ревизии должен был уплатить для выхода из мещанского сословия 17 руб. 14 ½ коп. [2, с. 118]. В 1831 г., когда иностранец подал прошение на имя смоленского губернатора о возвращении домой, он являлся учителем французского языка [4, л. 590–591]. Необходимость оставаться длительное время в России Александр Делятр объяснил болезнью, а теперь желал воспользоваться правом вернуться домой (что разрешалось, несмотря на вступление в российское подданство). На улаживание всех формальностей ушел год. Смоленская городская дума 26 февраля 1832 г. исключила иностранца из мещан, простив долг: дума выполнила тем самым предписание губернатора, «уважив <...> желание [иностранца] «возвратиться в свое Отечество»» [2, с. 118]. В июне 1832 г. Александр Делятр получил заграничный паспорт у смоленского, витебского и моголевского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского [5, л. 235, 249] и вместе с женой, прусской подданной Катериной Карловой Генш [28, л. 1–2] отправился «в Камбру без возврата», избрав путь «через губернии Витебскую, Псковскую и Новгородскую до С. Петербурга и оттуда...водою» [28, л. 6].

Насколько большой поток иностранцев проходил через белорусские губернии в Российскую империю, можно судить, по данным кан-

целярии генерал-губернатора, зафиксировавшей в 1829–1831 гг. только в Витебской губернии факт выдачи листков с правилами при выдаче внутренних билетов 145 иностранным подданным (без учета членов семьи). Среди них были австрийцы, поляки, испанцы, датчане, шведы, прусаки, вюртембергцы, саксонцы, швейцарцы и др. [26, л. 4–8 об.]. В «Ведомости о израсходовании листков правил коими снабжаются иностранцы при выдаче им внутренних билетов и сборе за оные с показанных в оной лиц установленных пошлин за 1829й 1830й и 1831-й годы», поступившей генерал-губернатору от Витебского гражданского губернатора указывались не только имена иноземцев, их национальная принадлежность, но часто и профессия. На примере швейцарцев можно констатировать, что в их числе были: гувернантка Софья Котье, пекарь Христиан Шитц, мельничных дел подмастерье Иоган Николаус Герольд, ткач Миллер, кондитеры Бартолмеус Антиени и Ульрих Риц-Апорт, сыроделы Яков Кубли, Габриель Спелти (Шпельти), Фридрих Лейтцингер. За листок с правилами каждый иностранец обязан был заплатить 25 копеек. Таким образом, Витебский гражданский губернатор отчитался в ведомости о том, что «выручено денег тридцать шесть рублей двадцать пять копеек» [26, л. 8 об.]. Из ведомости его могилевского коллеги известно, что в первое полугодие 1832 г. через его губернию проследовало 30 иностранцев и получено, соответственно, 7 рублей 50 копеек [26, л. 13]. В числе прибывших было четверо швейцарцев, но только у одного – Феликса Вебера – указана профессия («сырный мастер») [26, л. 14 об.].

Как явствует из документов, многие из иностранных подданных были ремесленниками, находившими себе применение в дворянских усадьбах. Из разбора жалоб, поступивших на рассмотрение генерал-губернатору, интерес представляет расследование по делу 1832 г. – о «причинении побоев мекленбургскому уроженцу» Иоганну Кристиану Гаазе. В своем прошении на имя Н. Н. Хованского иностранец указывал, что проживал в имении Люцинского уезда, которое принадлежало помещику Николаю Карницкому. Гаазе уже имел многолетний опыт жизни в Российской империи (с 1816 г.) и зарабатывал вместе с 27-летним сыном «пропитание от устройства ...мельниц у разных помещиков» [24, л. 1]. Иностранец подчеркивал, что имеет «весьма лестные и одобрительные себе Аттестаты касательно трудолюбия, честности и совершенной во всем аккуратности» и при необходимости их может «всегда предъявить» [24, л. 1 об.].

Неожиданный конфликт вспыхнул 25 марта 1832 г., когда И. К. Гаазе с сыном поехал в соседнее имение того же уезда к знакому кузнецу-финну за оставленной у него для ремонта «карафашкой» (небольшой телегой, приспособленной для езды). По приезде выяснилось, что основная часть работы уже выполнена, но нужно помочь кузнецу ее завершить. За это взялся сын И.К. Гаазе. Однако местный помещик И. Соколовский прислал войта с приказом не работать в праздничный день. Так как дело уже было сделано, отец и сын стали готовиться к отъезду. Но неожиданно приехал сам помещик, он был в ярости и замахивался на иностранцев кнутом. Услышав от сына Гаазе напоминание, что они «не подвластные», дворянин ускакал, но на дороге организовал засаду из своих дворовых и крестьян. Иностранцев схватили, связали, продержали без еды два дня в избе в имении Соколовского, а потом отправили пешком со связанными руками в Люцин, где исправник, допросив на немецком языке (Иоганн отметил свое плохое знание русского), отпустил несчастных домой. И. К. Гаазе на следующий день подал жалобу на И. Соколовского в Люцинский нижний земский суд. Не получив через две недели никакой резолюции, «и видев из собственного примера, что Исправник и Секретарь придерживаются более стороны помещичьей, и будут медлить производством дела», иностранец намеривался ехать в Витебск «под непосредственное Вашего Сиятельства покровительство» [24, л. 3 об.–4]. В своем прошении генерал-губернатору Иоганн Кристиан Гаазе просил прислать независимого чиновника, знающего немецкий, для проведения непредвзятого следствия по этому делу.

Был прислан адъютант Богданов, но встал на стороне Соколовского, а не иностранцев. В своем донесении чиновник подчеркивал, что запрет на работу в праздник Благовещения Божией Матери был сделан дважды, и возражение, «что у них – лютеран нет сего праздника», по его мнению, не убедительно [24, л. 21]. Вели отца и сына связанными, чтобы они не убежали; шли, действительно, пешком, потому что не просили о разрешении на сесть на телегу; сыну лишь один раз пришлось переносить старого отца через ручей и т. д. Документы для решения были переданы в Люцинский уездный суд 10 апреля 1832 г. После завершения дела следовало прогонные «деньги 82 р. 12 ½ коп., выданные из Витебской казенной палаты, Адъютанту Богданову, производившему следствие, взыскать с виновного» [24, л. 21

об.]. К 1 октября того же года дело было «решено и представлено на ревизию в Витебскую палату уголовного суда» [24, л. 28]. В документах нет четкого указания на то, какое решение было вынесено, но, видимо, в пользу местного землевладельца. Об этом можно судить по позиции чиновника, проводившего следствие, и «удовольствию», изъявленному генерал-губернатором по поводу проделанной им работы [24, л. 23].

Иностранцы, проживавшие в белорусских губерниях, занимались не только ремеслом, среди них были и лица, получившие специальную подготовку. Так, в переписке генерал-губернатора упоминаются иностранные архитекторы. Известно, что витебским губернским архитектором в 1827–1838 гг. служил Осип Иванович Беттини [10, с. 405; 11, с. 427; 12, с. 319; 13, с. 325; 14, с. 330; 15, с. 333; 16, с. 342; 17, с. 339; 18, с. 350; 19, с. 394; 20, с. 378]. Исследовательница А. П. Частина, изучающая архитектуру Кишинева, отметила роль Бессарабского областного архитектора О. И. Беттини в 1819–1821 гг. в осушении болот и разработке проекта здания присутственных мест для Кишинева [33, с. 104–106, 283]. Работая в Витебске, иностранец как профессионал знал себе цену и полагал, что получаемое им по штату жалованье в 1200 рублей явно недостаточно. В 1828 г., отправляясь в отпуск на 28 дней в Петербург, Беттини в прошении витебскому гражданскому губернатору указал, что намерен не возвращаться, «так как получаемое им в Витебске по штату жалование 1200 руб. не представляет возможности к приличному содержанию, и так как он надеется оставя здешнюю службу, сыскать для себя выгоднейшее помещение» [29, л. 2]. Губернатор, «удостоверясь сам лично об особенной рачительности его Беттини по всем обязанностям, должностно на него возлагаемым, и по уважению предвидимого затруднения в губернии без сведующаго и деятельнаго архитектора», попытался решить вопрос об изыскании средств [29, л. 8]. В результате переписки с генерал-губернатором, выяснилось, что по закону выплата возможна из сумм Витебской городской думы. Последняя пыталась отклонить это требование, сославшись на нехватку средств. Но подчиняясь необходимости выполнять «Указ Императорского Величества» [29, л. 28], осуществляла выплаты до 25 октября 1830 г. [23, л. 1]. Поэтому 30 мая 1831 г. архитектор вновь обратился к витебскому гражданскому губернатору, жалуясь на то, что «за удержанием ныне жалованья» испытывает «невозможность приличного содержания в нынешнем... семейственном положении». К тому же,

иностранец нуждался в казенном доме для хранения своего архива и писца для переписки бумаг. Иностранец просил «покровительства», и генерал-губернатор потребовал навести необходимые справки о возникшей ситуации.

Витебское губернское правление 5 февраля 1832 г. уведомило начальство, что «витебский губернский архитектор с чертежною его помещается ныне в купленном казною у купца Ноткина доме, где и все дела его находятся», а «помощника ему Архитектору по штатам 1802 года не положено, но при вступлении нынешнего Губернского Архитектора Беттини в сию должность, по малому знанию его Российского языка, и по уважению множества вступаемых дел в 1827 году командирован в Помощники к нему Канцелярский чиновник сего Правления, который и ныне состоит при нем» [23, л. 3–3 об.].

Из сметы на 1830 г., предоставленной министру внутренних дел А. А. Закревскому, по мнению последнего, явствовало, что нет реальной возможности платить иностранцу дополнительное жалование. Об этом министр 26 августа 1830 г. сообщил исполнявшему должность витебского губернатора князю С. И. Давыдову [23, л. 6–7 об.]. В результате рассмотрения вопроса Н. Н. Хованский 29 февраля 1832 г. подтвердил витебскому гражданскому губернатору отказ от прибавки к жалованию, нецелесообразности содержать писца при архитекторе и рекомендации последнему передать решенные дела в губернский архив. Н. Н. Хованский находил, что помощь О. И. Беттини уже оказана: ему предоставлена квартира в казенном доме.

Генерал-губернатор предлагал сообщить архитектору, «что Главное Начальство не оставляет отличного усердия и услуг его без внимания и ходатайства о достойном его за оные вознаграждения» [23, л. 8–8 об.]. Вероятно, все же такие обещания не были формальными, так как Беттини не покинул Витебск еще продолжительное время и оставался на должности губернского архитектора до 1838 г., при этом с 1832 г. он значится в чине коллежского регистратора (самый низший, но классный чин – XIV), что свидетельствует о принятии им российского подданства и вступлении в государственную гражданскую службу. Исследовательница белорусской храмовой архитектуры XIX в. И. Н. Слюнькова отмечает, что Беттини «обладал великолепным даром и мастерством художника-архитектора, кроме того, был заметной и яркой фигурой в Витебске того времени» [31, с. 83]. Среди его проектов И. Н. Слюнькова отметила составленный им план зам-

ка в Люцине (1827), оригинальный проект собора для города Себежа (1832) и др.

В 1838 г. вместе с О. И. Беттини свой проект по перестройке в Полоцке Николаевского кафедрального собора, переданного в ведение Полоцкого кадетского корпуса, представил архитектор-иностранец Антоний Порто. Его проект был принят с условием подготовки нового варианта, более приспособленного «к стилю греческой архитектуры» [30, с. 117]. Иностранец, уже в чине надворного советника с жалованием в размере 5000 руб., входил в «Комиссию о устройении Полоцкого кадетского корпуса», созданную в 1830 г. [30, с. 37]. А. Порто составил проект перестройки под нужды кадетского корпуса зданий, прежде принадлежавших иезуитам [30, с. 41–42], и являлся старшим архитектором при проведении соответствующих работ.

В мае 1833 г. Антоний Порто обратился с всеподданнейшим прошением об определении его внуков Александра и Витта в Полоцкий кадетский корпус. За просителя ходатайствовал от «Комиссии о устройении Полоцкого кадетского корпуса» полковник Данилов. Обращаясь к генерал-губернатору, князю Н. Н. Хованскому он отмечал, что «отличная служба, честность, редкое усердие в самых преклонных летах при зрелой отчетности г. Порто Вашему Сиятельству, как Председателю Комиссии, совершенно известны» [27, л. 1]. Упоминалось, что представлены документы детей «с надлежащими приложениями о дворянском их происхождении» [27, л. 1]. Давыдов указывал, что Антонию Порто помогает его сын, «отец сих детей губернский секретарь Порто», который «будучи свободным от занятий службы, посвящает знание, усердие и опытность в Гражданской Архитектуре, к устройству Полоцкого кадетского корпуса наравне с обязанными чиновниками, оказывая тем редкий пример безкорыстного участия в устройстве общественного благодетельного заведения» [27, л. 1–1 об.].

Генерал-губернатор в своем ответе от 8 июля 1833 г. рекомендовал «обращаться с просьбою к Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Михаилу Павловичу, как Главному Начальнику Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и дворянского полка» [27, л. 2]. Вероятно, этим советом воспользовались, так как в списке зачисленных воспитанников Полоцкого кадетского корпуса в 1835 г. значится Александр Порто, а в 1836 г. – Вита Порто [30, с. 387]. Соответственно Александр Порто (Порто 1) оказался в 3-ем выпуске и в 1841 г. стал служить в Дворянском полку, а выпускник корпуса 4 выпуска 1842 г. Витта Пор-

то (Порто 2) также был направлен в этот полк. В 1848 г. в выпуске «по Высочайшему повелению из 3 и 4 общих классов» указан Антон Порто (Порто 3) [30, с. III–IV], вероятно, младший брат вышеназванных представителей семьи.

Несмотря на то, что рассмотренные примеры не исчерпывают всех материалов об иностранцах в белорусских губерниях в 1820–1830-х гг., они свидетельствуют о том, что канцелярия генерал-губернатора, осуществляя свою контролирующую функцию, аккумулировала сведения об иностранных подданных. Посредническая роль генерал-губернатора между местной и центральной властью обеспечила наличие в архивных делах документов от учреждений разных уровней, что оказывается удобным для исследователя. Дополненные материалами региональных архивов документы канцелярии генерал-губернатора содержат ценные сведения по истории повседневности, связанной с пребыванием иностранцев на территории белорусских губерний.

Список использованных источников

1. Арутюнян, В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов / В. Г. Арутюнян // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2005. – № 4. – С. 68–82.
2. Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. – Смоленск: Свиток, 2012. – 288 с.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 13. – 1828 г.
4. ГАСО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 36. – 1831 г.
5. ГАСО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 23. – 1832 г.
6. Добрынкин, Н. Г. Мои воспоминания. Февраль 1898 г. Рукопись. Муромский историко-художественный музей. Инв. № М-21431 / Подготовка текста В. Б. Антоновой. Режим доступа: <http://www.museum-murom.ru/scientific-work/sources-publishing/vospominaniya-dobrynkina>. – Дата доступа: 01.09.2018. (Выражаю благодарность И. В. Шкурлову за информацию об этом источнике – А. В. Тихонова).
7. Ефимова, В. В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I / В. В. Ефимова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 145–162.
8. Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И. Л. Вернер. – Минск: Типография Макарова и К, 2012. – 528 с.
9. Кононов, В. Смоленские губернаторы. 1711–1917 / В. Кононов. – Смоленск: Маджента, 2004. – 400 с.

10. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1828. – СПб., 1828. – Ч. 2.
11. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1829. – СПб., 1829. – Ч. 2.
12. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1830. – СПб., 1830. – Ч. 2.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1831. – СПб., 1831. – Ч. 2.
14. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1832. – СПб., 1832. – Ч. 2.
15. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1833. – СПб., 1833. – Ч. 2.
16. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1834. – СПб., 1834. – Ч. 2.
17. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1835. – СПб., 1835. – Ч. 2.
18. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1836. – СПб., 1836. – Ч. 2.
19. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1837. – СПб., 1837. – Ч. 2.
20. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1838. – СПб., 1838. – Ч. 2.
21. Национальный исторический архив Беларуси г Минск (НИАБ г. Минск). – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 3113.
22. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 3131.
23. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5376.
24. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6090.
25. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6215.
26. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6263.
27. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 7371.
28. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 2. – Д. 6245.
29. НИАБ г. Минск. – Фонд 1416. – Оп. 5. – Д. 1399.
30. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Составил офицер-воспитатель Полоц. кадет. корпуса подполковник В.П. Викентьев. – Полоцк: тип. Х.В. Клячко, 1910. – 396, XLIII с.
31. *Слюнькова, И. Н.* Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи: пересоздание наследия / И. Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 615 с.
32. *Тихонова, А. В.* «Надлежаще смотреть...» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861) / А. В. Тихонова. – Смоленск: Свиток, 2013. – 256 с.
33. *Частина, А. П.* Творчество архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в. Дис. д-ра искусствоведения и культурологии / А. П. Частина. – Кишинев, 2016.
34. *Чернышев, В. Я.* Муромский краевед Добрынкин Николай Гаврилович / В. Я. Чернышев // Край Смоленский. – 2009. – № 1. – С. 8–24.

(Дата поступления: 26.11.2019).